

УПЫРЬ

из Урюпинска

УРЮПИНСК

Милана Панова

Упырь из Урюпинска

«Автор»

2026

Панова М.

Упырь из Урюпинска / М. Панова — «Автор», 2026

Граф Влад Батори, потомственный вампир, проиграл кузену в карты родовой замок. Он решил начать жизнь заново на «Дальневосточном гектаре», но перепутал адрес и оказался в Урюпинске. От крови графа мутит с детства, денег нет. Зато есть квартирная хозяйка Зинаида Петровна, бывшая учительница биологии. Она сразу понимает, кто он такой, и берётся за его гемоглобин: гречка с печёнкой, гематоген, печёночный торт. А ещё ночная смена на станции переливания крови и суровая лаборантка Люба, которая вяжет паутинки из козьего пуха. Но в округе кто-то начинает пить кровь у коз, и город косится на бледного квартиранта. До ярмарки козьего пуха неделя. Владу придётся поверить в силу урюпинских бабушек и сыграть главную партию в подкидного на кухне хрущёвки. Вампирская романтика наизнанку: вместо замка - хрущёвка, вместо балов - ярмарка, вместо крови - гречка. Смешная и тёплая история о том, что дом там, где тебя кормят и ждут.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пиковая дама	5
Глава 2. Гектар	7
Глава 3. Зинаида Петровна	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Милана Панова

Упырь из Урюпинска

Глава 1. Пиковая дама

Замок Батори стоял на скале шестьсот лет и пережил турок, австрийцев, два землетрясения и один визит румынской налоговой. Пережить кузена Ласло он не смог.

В ту ночь в каминном зале горели сорок свечей, и все сорок коптели. Электричество в замке отключили ещё в девяносто восьмом за неуплату, и с тех пор граф Влад Батори, потомственный вампир в четырнадцатом колене, освещал своё родовое гнездо исключительно воском. Воск тоже стоил денег. Денег не было.

— Твой ход, кузен, — сказал Ласло и улыбнулся так, что клыки блеснули в полумраке.

Ласло всегда улыбался клыками. Влад считал это вульгарным. Приличный вампир показывает клыки только по делу, а не чтобы похвастаться виниром из Будапешта.

На зелёном сукне лежали карты. Играли в баккара — по старинке, как играли их деды при дворе Матьяша Корвина. Перед Ласло высилась горка фишек. Перед Владом лежали: фамильный перстень с рубином, закладная на виноградник, который засох при Чаушеску, и тишина.

— Мне нечего ставить, — сказал Влад.

— Как это нечего? — Ласло обвёл зал длинным пальцем. — А это всё?

Влад посмотрел вокруг. Гобелены, побитые молю до состояния кружева. Портреты предков, каждый из которых смотрел с неодобрением. Доспехи прапрадеда Ференца, внутри которых последние сорок лет жила семья сов. Потолок, который протекал так художественно, что под ним стояли тазы разных калибров и в дождь получалась музыка.

— Замок? — тихо спросил Влад.

— Замок, — кивнул Ласло. — Против всего, что на столе. Одна сдача. По-родственному. Совы в доспехах ухнули. Это могло быть предостережением, а могло быть просто ужином.

Влад Батори был вампиром неправильным. Это знали все: и родня, и соседи по долине, и даже местный священник, который давно перестал вешать на дверь чеснок, потому что Влад однажды вежливо попросил у него рецепт аджики. Влад не пил кровь. Не потому, что был таким уж моралистом. Его от неё просто мутило. С детства. Мать, графиня Эржебета, водила его к лучшим специалистам Вены, и лучший специалист Вены развёл руками: «Психосоматика, ваше сиятельство. Мальчик слишком чувствительный. Попробуйте давать ему кровь в протёртом виде, с яблочком».

С яблочком тоже не пошло.

Все четыреста двенадцать лет своей жизни Влад перебивался чем мог. Свекольным соком. Гранатом. Томатным соком «Фруктовый сад», который ему привозили фурами из Молдавии, пока не кончились деньги. Он был бледен, худ, страдал от хронической слабости и выглядел как поэт Серебряного века, которому отказали в публикации. Дамы находили это романтичным. Сам Влад находил это анемией.

— Сдавай, — сказал он.

Ласло сдал.

Потом, спустя много месяцев и много тысяч километров, Влад будет вспоминать эту сдачу и думать: почему кузен так долго тасовал колоду под столом? Почему у кузена в рукаве шуршало? Почему пиковая дама подмигнула ему с рубашки, когда у карт, вообще-то, не бывает лиц на рубашке? Но в ту ночь он был голоден, слаб и, как всякий аристократ в четырнадцатом колене, верил в честное слово родственника.

У Ласло вышло девять. У Влада вышла пиковая дама, десятка и тройка. Три очка. Совы в доспехах замолчали.

— Ну что ж, — сказал Ласло, сгребая фишки, перстень, закладную и замок одним широким движением. — Не повезло тебе, кузен. Бывает.

Он встал, подошёл к портрету прадеда Иштвана и по-хозяйски поправил раму.

— Я тут, знаешь, думаю сделать бутик-отель. «Ночь в замке вампира». Немцам понравится. Немцам всё нравится, если дорого.

— А я? — спросил Влад.

Ласло обернулся. В его глазах мелькнуло что-то похожее на жалость. Или на изжогу. С вампирами разницу не всегда поймёшь.

— А ты, кузен, уезжай. Тут тебе больше делать нечего. — Он полез во внутренний карман бархатного жилета и вытащил сложенную вчетверо бумажку. — Вот. Держи. Прощальный подарок.

Влад развернул. Это была распечатка с сайта на русском языке. Сверху — флаг, внизу — карта с огромным зелёным пятном справа.

— «Дальневосточный гектар», — прочитал Влад. Русский он знал с девятнадцатого века, когда гостил у одного тверского помещика и полгода учился у него преферансу и меланхолии. — Что это?

— Русские раздают землю. Даром. Любому, кто приедет. Гектар! Представляешь? Целый гектар, кузен. Это почти как наш внутренний двор. Построишь себе домик, будешь жить в тишине. Там ночи длинные. Тебе понравится.

— Но я же не русский.

— А кто проверяет? — Ласло пожал плечами. — Там всё через интернет. Заполнишь анкету, отправишь — и всё. Я тебе даже ноутбук оставляю. Старый, конечно, но работает. Иногда.

Влад смотрел на зелёное пятно на карте. Оно было огромным. Оно занимало пол-листа. В нём, наверное, легко было затеряться — а именно этого ему сейчас и хотелось больше всего.

— Длинные ночи, говоришь? — переспросил он.

— Полгода ночь, — соврал Ласло, который понятия не имел, о чём говорит. — Кровь из-под снега сама течёт.

Влада передёрнуло.

На рассвете, когда солнце ещё только примерялось к зубцам главной башни, граф Влад Батори вышел из ворот своего — уже не своего — замка. С собой у него был чемодан из крокодиловой кожи 1911 года, плед, старый ноутбук с наклейкой «Pentium inside», коробка гранатового сока и распечатка с зелёным пятном.

Он обернулся один раз. В окне каминного зала Ласло уже снимал со стены портрет прадеда Иштвана и примерял на его место плакат «Wi-Fi free».

Совы вылетели из доспехов и полетели за Владом. Проводили до перевала. Дальше не полетели — у сов тоже есть границы.

Глава 2. Гектар

Анкету Влад заполнял в хостеле на окраине Будапешта, в шестиместном номере, где кроме него жили четыре австралийца и один немец, который храпел на мотив «Оды к радости». Вай-фай ловился только у окна, а у окна было солнце. Поэтому Влад сидел под одеялом, накрывшись с головой, и при свете монитора выглядел как человек, который смотрит в подушке что-то неприличное. Австралийцы так и решили. Они были очень деликатны и с тех пор с ним не разговаривали.

Сайт был на русском и полон слов, от которых у графа кружилась голова. «Госуслуги». «Подтвердите учётную запись». «Ваш запрос принят в обработку». «Ваш запрос возвращён на доработку». «Ваш запрос принят в обработку повторно». Влад, переживший инквизицию, подумал, что инквизиция была устроена гуманнее: там хотя бы сразу говорили, в чём ты виноват.

Наконец он добрался до главного поля: «Укажите населённый пункт».

В распечатке Ласло ткнул пальцем куда-то в Приморье, рядом со словом «Уссурийск». Влад начал набирать. Клавиатура у ноутбука была венгерская, русские буквы на ней не были нарисованы, и он печатал по памяти, как печатают пароль от чужого почтового ящика. Вместо «Ус» вышло «Ур». Сайт оживился и услужливо выкинул подсказку:

«Урюпинск, Волгоградская область».

Влад посмотрел на это слово. Слово было круглое, тёплое и немного смешное. В нём было что-то от «урчать» и что-то от «упырь». Оно ему сразу понравилось. Он нажал «Выбрать», потом «Отправить», потом закрыл ноутбук и уснул под пение немца.

Утром пришло письмо: «Ваша заявка зарегистрирована». Без уточнений. Влад счёл это хорошим знаком.

Дорога заняла девять суток. Он ехал только ночью: днём прятался в багажных отделениях, в туалетах, один раз — в гробу, который везли из Варшавы в Брест какие-то театральные люди для постановки «Гамлета». Гроб был бутафорский, из фанеры, но лёг Влад в него с огромным облегчением, как в родной. Потом была Москва, где он полночи искал Павелецкий вокзал и нашёл вместо него круглосуточную шаурму. Потом был плацкарт.

Плацкарт его потряс.

Пятьдесят четыре человека в одном вагоне спали, ели, храпели, разговаривали, разворачивали варёные яйца и курицу в фольге, и всё это происходило одновременно, без единой ссоры, с каким-то древним, почти религиозным согласием. Над головой Влада висели чьи-то носки. Напротив сидела бабушка в пуховом платке и чистила ему мандарин, хотя он не просил.

— Бледный ты какой-то, сынок, — сказала бабушка. — Худой. Ешь.

— Благодарю, мадам, я не голоден.

— Голоден, — уверенно сказала бабушка и сунула ему мандарин в руку. — У меня внук такой же был. Тоже говорил «не голоден». Сейчас в Сургуте, вахтой. Сто двадцать кило.

Влад съел мандарин. Это был первый мандарин в его жизни. Он оказался кислым, сладким и таким оранжевым, что граф, привыкший к ночной палитре, чуть не заплакал.

Станция называлась «Урюпино». Влад сошёл с поезда в половине четвёртого утра, в конце октября, в степь.

Вокруг не было тайги. Не было сопок. Не было амурских тигров, о которых он читал на сайте. Был низкий серый перрон, фонарь, в котором билась одна упрямая моль, и запах. Запах был удивительный: сухая трава, печной дымок, что-то кисловатое, животное и очень тёплое.

— Простите, — обратился Влад к единственному живому существу на перроне, женщине в оранжевом жилете, которая мела опавшие листья в сторону рельсов. — Это Дальний Восток?

Женщина опёрлась на метлу и долго его рассматривала. Пальто до пят. Чемодан из крокодила. Бледное лицо. Глаза, в которых отражалась моль.

— Это Урюпинск, — сказала она наконец. — Дальше востока у нас только Хопёр. А за Хопром — Михайловка.

Влад достал распечатку с зелёным пятном и показал ей. Женщина посмотрела на распечатку, на него, снова на распечатку.

— Милок, — сказала она с огромным сочувствием, — так это ж девять тысяч километров отсюда.

В городской администрации, куда Влад пришёл ровно к открытию и занял очередь за двумя пенсионерами и мужчиной с документами на газ, его выслушала специалист второй категории Тамара Викторовна. Она проверила что-то в компьютере, потом в другом компьютере, потом позвонила в Волгоград и долго слушала музыку.

— Вы понимаете, — сказала она, кладя трубку, — система вашу заявку приняла, потому что Урюпинск есть в справочнике. А гектаров у нас по этой программе нет. Мы в программу не входим. Мы, извините, не Дальний Восток.

— А что вы? — спросил Влад.

Тамара Викторовна выпрямилась, и в её голосе зазвучала гордость:

— Мы столица российской провинции. Официально.

Она показала на стену. Там висела грамота в рамке и фотография памятника: каменная коза стояла на постаменте с таким выражением морды, будто только что услышала от горожан что-то очень личное.

— Это наша коза, — объяснила Тамара Викторовна. — Урюпинский козий пух. Слышали? Платки по всему миру. У нас каждый год ярмарка. Вы, кстати, к ярмарке как раз успеваете.

Влад вышел на крыльцо администрации. Было восемь утра, и солнце поднималось над крышами пятиэтажек, медленно и неумолимо, как налоговый инспектор. Граф нащупал в кармане тёмные очки, надел их и поднял воротник. Денег у него оставалось сорок две тысячи форинтов, которые в Урюпинске никто не принимал, и коробка гранатового сока, которая кончилась ещё в Брянске.

На столбе у остановки, рядом с объявлениями «Куплю рога» и «Ремонт стиральных машин на дому, честно», висел тетрадный листок, исписанный крупным учительским почерком:

«Сдам комнату одинокому, непьющему, некурящему. Недорого. Можно с питанием. Спросить Зинаиду Петровну».

И ниже, другой ручкой, будто дописано позже:

«Ночным — скидка».

Влад перечитал последнюю строчку трижды. Потом оторвал корешок с телефоном и пошёл искать улицу Садовую, дом семь.

Глава 3. Зинаида Петровна

Улица Садовая, вопреки названию, садов не содержала. Она содержала четыре хрущёвки, гаражный кооператив «Луч», куст сирени, переживший перестройку, и лавочку, на которой три старушки в одинаковых пуховых платках вели наблюдение за миром с бдительностью пограничного поста.

Влад прошёл мимо лавочки. Разговор на ней прекратился, как выключенное радио.

— Не наш, — сказала первая старушка ему в спину.

— К Зинке, — сказала вторая.

— Бледный, — сказала третья. — Небось из Москвы.

Дом семь, второй этаж, дверь, обитая коричневым дерматином с золотыми гвоздиками. Влад нажал звонок. Звонок сыграл «Подмосковные вечера», не до конца, оборвавшись на слове «если б знали вы». Граф воспринял это как знак.

Дверь открыла женщина лет семидесяти пяти, маленькая, прямая, в халате с ромашками и очках на цепочке. Седые волосы были убраны в аккуратный пучок. Взгляд был такой, каким завуч смотрит на старшеклассника, у которого из рюкзака торчит сигаретная пачка.

— По объявлению? — спросила она.

— По объявлению, мадам. Граф... то есть Влад. Влад Батори.

— Зинаида Петровна, — сказала она и посторонилась.

Влад остался на коврике.

Это было не упрямство и не вежливость. Это было устройство мира. Вампир не может войти в жилище без приглашения: ноги не идут, будто порог намазан клеем. Влад стоял на коврике с надписью «Добро пожаловать» и улыбался той напряжённой светской улыбкой, которой улыбаются люди, когда у них застряла молния на брюках.

Зинаида Петровна посмотрела на его ноги. Потом на его лицо. Потом — очень внимательно — на зеркало в прихожей, висевшее у неё за спиной. В зеркале отражались вешалка, её пальто, её шапка, её ромашковый халат. И открытая дверь. И пустой коврик.

Она сняла очки, протёрла их краем халата и снова надела. Коврик в зеркале оставался пустым.

Влад приготовился к крику. К крестному знамению. К сковородке. За четыреста лет ему доставалось всем, включая однажды живую курицу, которой его отходила какая-то крестьянка в Молдове. Курица, кстати, тоже обиделась.

Зинаида Петровна вздохнула.

— Ну, заходи, раз пришёл, — сказала она. — Чего на пороге стоять. Сквозняк.

Клей с порога отпустил. Влад шагнул в прихожую.

— Обувь снимай, — сказала Зинаида Петровна. — Тапки вон, гостиные. И пальто давай. Ты что ж, в пальто через полстраны ехал? Оно у тебя молю траченное.

— Это фамильное, — обиделся Влад.

— Фамильное, а траченное, — непреклонно ответила она. — Проходи на кухню.

Кухня была шесть квадратных метров, и в них помещалось всё. Холодильник «Саратов», который урчал, как довольный кот. Довольный кот, который урчал, как холодильник «Саратов», — рыжий, огромный, по имени Барсик. Плита. Стол с клеёнкой в мелкую вишню. Отрывной календарь за прошлый год, который никто не отрывал, потому что Зинаиде Петровне нравилась картинка на октябре. Банки. Банки были везде: на подоконнике, на шкафу, под столом. Огурцы, помидоры, лечо, кабачковая икра, что-то тёмно-красное, от вида чего Влада повело.

— Это вишнёвое варенье, — сказала Зинаида Петровна, проследив его взгляд. — Не бойся. Садись.

Барсик прыгнул с табуретки, выгнул спину, зашипел на гостя так, как шипят только на собак и налоговых инспекторов, а потом вдруг передумал, подошёл, понюхал его ботинок и улёгся на него сверху всей своей рыжей тяжестью.

— Признал, — удивилась Зинаида Петровна. — Он у меня покойного мужа только признавал. Ну, садись, садись.

Влад сел. Зинаида Петровна села напротив, сложила руки на клеёнке и посмотрела на него поверх очков.

— Значит, так, — сказала она. — Я сорок лет преподавала биологию в школе номер два. Ещё шесть лет — анатомию в медучилище. Я Гоголя читала. Я «Вия» в кинотеатре «Победа» три раза смотрела, в шестьдесят седьмом году. Я, милый мой, всё понимаю.

— Что... понимаете? — осторожно спросил Влад.

— Что ты упырь, — просто сказала Зинаида Петровна. — В зеркале тебя нет, через порог без приглашения не идёшь, солнца боишься — очки вон в октябре нацепил. И бледный, как будто тебя в хлорке вымочили. Гемоглобин небось шестьдесят.

Влад открыл рот. Закрыл. Барсик у него на ноге замурлыкал громче.

— Вы не боитесь? — выдавил он наконец.

— Чего мне бояться? — фыркнула Зинаида Петровна. — Мне семьдесят шесть лет. У меня давление, колени и пенсия девятнадцать тысяч. Я, милоч, пережила девяностые, дефолт и три реформы ЖКХ. Ты, извини, на этом фоне не самое страшное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.